

АНАТОЛИЙ МУЗИС

ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ ВЕКА

ИЗ РАССКАЗОВ ГЕОЛОГА

Анатолий Музис

**Идущие впереди века.
Из рассказов геолога**

«Издательские решения»

Музис А.

Идущие впереди века. Из рассказов геолога / А. Музис —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503820-3

Это ему предстоит первому пройти по местам будущих каналов. Это он призван указать им направление, прочертить их новые русла. Это ему поручено выявить богатства, лежащие по их берегам. Много земель обошел он по стране. Бывал и в Карелии, и на Аллайском хребте, за Саянами и на Волге, но такая экспедиция и такое задание у него впервые... В книге 100 стр. и 22 фото. Публикуется только в ч/б варианте, и только автору в цветном. Желющие приобрести цветной вариант — обращайтесь.

ISBN 978-5-00-503820-3

© Музис А.
© Издательские решения

Содержание

ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ ВЕКА	6
1	6
2	8
3	11
4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Идущие впереди века Из рассказов геолога

Анатолий Музис

© Анатолий Музис, 2019

ISBN 978-5-0050-3820-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ ВЕКА

1

Поезд мчался на восток, грохоча и раскачиваясь. За окном уходили в темноту поля и в вагоне тоже было полутемно, но спать не хотелось. Часы Векшина, поставленные по московскому времени, показывали только десятый час и так получалось, что сон приходил когда уже за окнами начинало светать. Но и не только разница в пояском времени мешала заснуть Векшину. Чем дальше уносил его поезд, тем сильнее росло в нем непонятное волнение. Легли позади Волга, Урал, Обь. Впереди Енисей, Лена, Амур. Позади разрушенная войной Европа, впереди взбудораженный Китай. С юга, в Бирме, Малайе, Индонезии, Вьетнаме, окружают страну партизанские костры. Через Северный полюс заглядывает завистливая Америка. В мире нет мира, а он едет в самую серединку между западом и востоком, между югом и севером, в самое тихое место, которое только можно найти на земном шаре.

Не спят и соседи Векшина. Один из них, Георгий Ашотович, тоже геолог, сидит наклоняясь к лампочке с газетой в руках. С высоты второй полки Векшину видны его черные жесткие волосы, круглые плечи, обтянутые выцветшей, когда-то защитного цвета гимнастеркой и брюки в темную полоску, заправленные в простые кирзовые сапоги. Утром в Новосибирске купили свежую газету и он перечитывает напечатанную в ней речь Уоллеса.

Второй спутник – старший бурмастер, «дед», как шутя называют его. Свет из прохода падает ему на голову и она блестит, как бильярдный шар. В зубах у него дымится кривая трубка.

Третьего Векшин не видит, но и так знает, что и он не спит. Это Петр, здоровяк парень и весельчак, проходчик. Он возвращается с курорта и от него так и веет морем и солнцем. Он только что спорил с Георгием Ашотовичем о международном положении.

Вагон покачивается, отбивая на стыках пройденное расстояние. Пятые сутки, вот так, покачиваясь, несет он их на восток. Пятые сутки за окном однообразный железнодорожный пейзаж: чередуются поля, мелькают телеграфные столбы, появляются и исчезают разъезды. Их параллельные пути некоторое время тянутся рядом, а потом с такой стремительностью уходят под колеса, что кажется вагон вот-вот соскочит с рельс. Пятые сутки пути. Тесная полка. Пыль на столике. И мысли уже там, в тайге, в работе... В боковом кармане Векшина хранится газетная вырезка с заметкой о переброске Сибирских рек Оби и Енисея в Аральское и Каспийское моря.

И это ему предстоит первому пройти по местам будущих каналов. Это он призван указать им направление, прочертить их новые русла. Это ему поручено выявить богатства, лежащие по их берегам. Много земель обошел он по стране. Бывал и в Карелии и на Аллайском хребте, за Саянами и на Волге, но такая экспедиция и такое задание у него впервые...

– Нет, вы послушайте, что сами американцы пишут! – снова врывается в его сознание голос соседа.

Георгий Ашотович щелкает пальцем по газетному листу.

– «Атлантический пакт уничтожает шансы на восстановление Европы... Он является не инструментом мира, а военным союзом, рассчитанным на агрессию... Он создает военные базы на границах Советского Союза, что является вызывающим действием...»

– Пустили бы меня поговорить с ними, – слышится голос Петра и Векшин живо представляет его: мускулистого, загорелого, с распахнутым воротом, словно с душой нараспашку. – Я бы на них четырнадцать тонн мошки выпустил.

– Это почему же только четырнадцать? – спрашивает «дед» и трубка прыгает у него в руке от смеха.

– Тринадцать – чертова дюжина, так я сверх нее еще тонну, – невозмутимо отвечает Петр. – Может быть это резковато с моей стороны, ну да с дипломатами пускай Вышинский разговаривает, а я запросто, по таежному...

Векшин поворачивается к стене. Тайга... Каналы... Америка... Мошка... Завтра сходить и неплохо было бы заснуть. Стучат колеса. Даже просто необходимо заснуть, а тут мошка, четырнадцать тонн. Их хватит сожрать всю Америку и еще останется. И ведь что такое мошка? Ничтожество. Сожмешь пальцами, следа не останется, а укусит – опухоль с грецкий орех. А тут четырнадцать тонн! Че-тыр-над-цать. Че-тыр-над-цать... И колеса тоже выговаривают: – Че-тыр-над-цать...

...Разбудил его проводник.

– Скоро ваша станция. Разрешите постель...

В окна врывается яркий солнечный свет. Внизу сидит Георгий Ашотович и аккуратно режет ножом булку. Он уже успел побриться и подбородок его отликает вороненой синью.

– Доброе утро, – говорит он. – Что Вам снилось хорошего?

– Четырнадцать тонн, – отвечает Векшин и смеется. Смеется и Георгий Ашотович.

– Хороший сон.

Векшин спрыгивает с полки, идет умываться и, возвратясь, садится к окну, напротив Георгия Ашотовича.

– Вот мы и подъезжаем, – говорит он.

– Это Вы подъезжаете, – поправляет его Григорий Ашотович. – А мне дальше.

– Все равно, подъезжаем, – повторяет Векшин. – Скорей бы уж...

Машинист на паровозе включает свисток и протяжный и долгий свист несется впереди поезда, словно и он торопится скорее развести всех по своим местам.

2

В конторе перевалочной базы весь день толпился народ. Переговаривались, читали газеты, просто сидели на столах, подоконниках, курили. Не успел еще Векшин оглядеться, как его окликнули:

– Илья!

С подоконника соскочил высокий парень.

– Лёня! Вот здорово!

Они обнимаются, жмут друг другу руки.

– Что это вас сколько собралось? – спрашивает Векшин.

– Еще больше будет, – отвечает Леонтьев. Он уводит Векшина к подоконнику и вкратце излагает ему ту обстановку ожидания, в которую они попали со дня приезда и которую Векшину придется теперь разделять вместе с ними. Он уже заканчивал свой рассказ, как во дворе послышался шум подъезжающей машины и голоса.

– Берегов-Сережин, – определил Леонтьев. – Ба-альшой начальник.

Через секунду дверь распахнулась и в комнату вошел низенький человек. Тяжелые геологические сапоги грохотали по полу, полы пиджака развевались, показывая желтую блестящую кобуру, на голове торчала немислимого синего велюра шляпа, из-под которой сверкали большие, в желтой роговой оправе очки. Ни на кого не глядя, он стремительно прошел к столу, плюхнул на него раздувшийся от бумаг портфель и сразу же начал в нем копаться.

Пожилой мужчина в морском кителе отложил газету и первым подошел к нему. Его лицо, открытое, потемневшее от ветров и солнца, странно контрастировало с густой сединой волос.

– Кто это? – шепотом спросил Векшин.

– Черныш. Начальник механической мастерской, – так же тихо ответил Леонтьев.

Они слезли с подоконника и вместе со всеми обступили стол.

Берегов-Сережин все так же, ни на кого не глядя, продолжал вынимать бумаги.

Вдруг он заговорил:

– Ну, что? Знаю, знаю. Я тоже жду самолет. Вы его просто ждете, а у меня...

– Но, послушайте, – сказала пожилая женщина. – За-чем же вы нас вызывали? Ведь я от отпуска отказалась, приехала.

– Лучше б вы ждали самолет, чем он вас, – сказал Берегов-Сережин.

– Ну, знаете, это просто возмутительно!

Пожилая женщина покраснела от гнева и пошла из конторы.

– Пойдем и мы, – сказал Леонтьев. – Каждый день одно и то же.

Люди выходили группами, обсуждая создавшееся положение. Молодая женщина в форменном кителе со звездочками инженер-геолога 2-го ранга уговаривала ту, которая спорила с Сережиным:

– Да, Вы, Любовь Андреевна, не расстраивайтесь. Хотели идти в отпуск, ну и отдохните себе на здоровье.

– Я не о времени, – отвечала Любовь Андреевна. – Просто возмутительно.

Вышли из конторы Берегов-Сережин и Черныш. Сережин был красен от возбуждения, растрепан. Векшин услышал, как он крикнул:

– Я здесь начальник!

– Гнилая философия, – сказал Черныш. – Не наша. Люди не хуже тебя. Вызвал – изволь заботиться.

Берегов-Сережин, не отвечая, сел в машину. Немислимая шляпа торчала над ним таким же колом, из-под пиджака оттопыривался «наган».

– Давай! – крикнул он.

«Газик» рванул и, обдав стоящих пылью, унес его нелепую фигуру.

– Пистолет в шляпе.

– Ну его. Пойдем, город посмотрим.

– Я пойду в фонды, – сказала Любовь Андреевна. – Успею еще поработать часа два.

Они пошли со двора, сначала все вместе, потом кто направо, кто налево и вскоре в группе, где шел Векшин, осталось несколько человек.

Была та предвечерняя пора теплого и солнечного майского времени, когда день уже кончался, а вечер все еще не наступал. Проспект имени Сталина сверкал широким асфальтом. Шумный и людный, он напоминал московскую улицу Горького. Так же витрины магазинов выставляли напоказ свои товары, пестрели афиши кино, стоял телеграф, кратким словом «Енисей» объявлял о себе ресторан.

Векшин шел с Леонтьевым. Впереди двигались Черныш и два механика, Павлик и Сережа. Черныш ступал твердо и встречный поток людей обтекал его, как обтекает вода устой моста. Блестя орденами шли военные, пестрели яркие платья девушек, в синих, серых, коричневых костюмах, с портфелями, свертками, просто безо всего, задевая друг друга, оставившаяся у афиш, исчезая в дверях магазинов, торопливо избегая по ступеням телеграфа, двигались различные люди. Этот живой поток, не уместившись на тротуарах, заплескивал с обеих сторон мостовую и автомобили тревожно гудели, расчищая себе дорогу.

Векшин и Леонтьев шли молча, разглядывая людей и здания, и только у городского сада, там, где через площадь возвышались новые пятиэтажные корпуса, Леонтьев сказал:

– Строится город. Который раз приезжаю и все он по иному выглядит.

Векшин ответил не сразу. После напряженных и поспешных сборов в Москве, после стремительного бега поезда, после горячих споров соседей, в которых и сам он принимал участие, ему не терпелось поскорее углубиться в тайгу, окунуться в работу, вызвать к жизни еще скрытые природой силы. Он уже видел будущее этого края и не хотел откладывать это будущее ни на один день. И думая о своем, он машинально ответил Леонтьеву:

– Медленно все очень.

– Ну, не так уж медленно... – возразил Леонтьев.

– Не так... – согласился Векшин, – но если бы не война, да такие как Берегов-Сережин, где бы мы сейчас были.

– Сережин это мусор.

– Мусор, а мешает. Ведь посмотри, нас здесь человек двадцать сидит. А время уходит. Время, о котором будут писать, как некогда Александр Сергеевич писал:

«Была... пора,
Когда Россия молодая
В боренье силы напрягая
Мужала...»

– Ты у нас известный лирик, – сказал Леонтьев.

Векшин сбоку взглянул на него.

– Велик ты, Леня, а не разговорчив. Ты посмотри вокруг. Весна, солнце, девушки. Неужели тебе никогда не хочется вот так душу свою высказать, рассказ какой-нибудь написать. О жизни. Такой рассказ, чтобы самые что ни есть молчуны, вроде тебя, прочли его и сказали: – «Да-а...»

– Чтобы о жизни писать, понимать ее как следует надо.

– А мы что же? Еще как понимаем. Но знаешь, между прочим, где я начал по-настоящему жизнь понимать? На фронте. До этого я как-то не сознавал всей глубины. Думал и так можно жить и этак, все мол от индивидуальности зависит. А там сразу понял – вот мы и вот они.

Вот наша жизнь и вот их, чужая. И нет между этими жизнями ничего общего. И середины между ними нет. И сейчас ведь то же самое, пусть холодная, а все-таки война... Ты как думаешь, есть у нас атомная бомба?

– Мы люди маленькие, нам не сообщают.

– Ну, да. Молотов же сказал: «Будет у нас атомная энергия и кое-что другое». Говорят, при этом какой-то английский лорд воскликнул: «Если Молотов говорит, что у них будет атомная энергия, то, господа, она у них уже есть!»

Леонтьев улыбнулся.

– Что ж, возможно и среди лордов не перевелись еще неглупые люди.

Они уже сошли с центральной улицы и шли переулками, ближе к реке, когда впереди их на дорогу вышли трое парней и девушка. Они были одеты в яркие шаровары, подпоясаны цветными кушаками, за плечами у них были рюкзаки.

– Погляди-ка, – сказал Векшин. – Кто это?

– Столбисты. Местная разновидность альпинизма, – Леонтьев заметно оживился. – Знаешь, давай-ка и мы махнем туда. Этот самолет, наверно, еще неделю не прилетит.

Они догнали Черныша, Павлика и Сережу и предложили им прогуляться вместе на «Столбы». Было решено, что завтра на рассвете они отправятся в поход.

3

Векшин встал в четыре часа утра и умывался, когда во двор общежития въехала грузовая машина и почти следом за ней примчался «газик» с Серезиным. Грохоча сапогами, он промчался по коридору и Векшин услышал его крик в мужском общежитии:

– Черт знает что! Самолет уже три часа дожидается, а они спят.

– Какой самолет? Кого дожидается?

– Вас! Вас! Я же вчера распорядился...

Оказалось, что вчера, после того, как все разошлись, с аэродрома сообщили о прилете самолета, но, так как Серезина на месте не оказалось, известие это попало к нему с опозданием и распоряжение о погрузке было отдано только ночью. Комендант, видимо, уже привычный к бестолковой суетне и ненужной горячке Серезина, решил, что «и утречком тоже будет не поздно» и в результате отправку самолета чуть не проспали.

– Хорошо еще, что мы не уехали, – шепнул Векшин Леон-тьеву.

Через пол часа грузовик, разгоняя утреннюю прохладу, катил их к аэродрому. Векшин опасался, что самолет улетит без них, но комендант оказался прав: если они и не приехали рано, то, во всяком случае, и не опоздали. Еще затаскивали какие-то ящики, кого-то ждали... Наконец, в пять часов тридцать минут утра, «ЛИ-2» оторвался от взлетной дорожки. Взошедшее солнце почти прямыми лучами било по правому борту и все столпились у левых иллюминаторов. Борт-механик даже вынужден был выйти из пилотской кабины и попросить разместиться ровнее.

ЛИ-2

Самолет набирал высоту и уже через несколько минут от крупного города не осталось и следа. Потянулась тайга. Деревья стояли густо, но еще хорошо различались и остроконечные ели и широкие лиственницы и могучий кедр, а еще минут через пятнадцать деревья слились в сплошной зеленый покров, сквозь который все отчетливее стал проступать рельеф местности. Речки и низины очерчивались белой пеленой тумана, в шапке сплошных лесов выпирали горы.

– Бугорки довольно-таки приличные, – заметил Леонтьев.

– И вдруг вынужденная посадка, – сказала его соседка, та что успокаивала Любовь Андреевну. – И будем мы здесь сидеть.

– Пустяки, – улыбнулся Векшин. – Через какой-нибудь десяток лет проложат канал и мы снова будем в центре жизни...

...зеленое море тайги

Земля удалилась, стала одноцветной и неинтересной и они, давно перестав следить за ней, шутили и говорили на серьезные темы, когда самолет наклонился на крыло и стал описывать круги.

– Город! – закричал молоденький паренек, коллектор Надежды Николаевны.

Все снова припали к иллюминаторам. Под самолетом голубела широкая река. Над ней, окруженный зеленым массивом тайги, стоял город. В кудрявых завитушках садов, с чистенькими беленькими домиками, деревянными тротуарами, сверкающий золочеными шпилями церковей, он казался сверху таким милым и уютным, что даже те, кому было плохо, и то подняли голову посмотреть. А внизу уже проносились окраинные строения, огороды, мелькнула дорога и сразу за ней ряд самолетиков на поле, выложенная буква «Т» и ангары.

Они прилетели.

4

Первое впечатление о Чернорильске, что это устоявшийся старинный городок. Как и другие населенные пункты этой полосы, он построился у реки. Крутой обрывистый берег возвышался в два яруса. У воды теснились причалы, громоздились крытые брезентом грузы, сновали люди, гудели автомашины. С реки им отвечали протяжные свистки катеров.

Наверху, вдоль берега, выстроились двух и трехэтажные каменные дома. Это главная улица. Она тянется по берегу через весь город, начинаясь от густого зеленого церковного сада и кончаясь фабричным поселком лесопильного завода. На других улицах дома преимущественно деревянные, но поставлены они добротно, навечно. В прошлом Чернорильск был губернским центром. Через него шли золото, пушнина, лес. Сейчас центр передвинулся на юг к железной дороге, но старинная доброта осталась и чувствуется во всем. Черныш говорит, что и сейчас немало золотишка позарыто в этом городе и что если город срыть и вскопать землю метра на два, то найденного хватит, чтобы построить новый город, больше и лучше этого.

Экспедиция занимала постройки бывшей пушной базы. Большой прямоугольный двор обнесен высоким забором, по углам контора, радиостанция, мастерская. Двор пустынный, поросший молодой травой. В глубине двора баня, колодец, складские помещения. От ворот к складам тянулись две, выбитые шинами и колесами, колеи, от которых в стороны змейками разбегались тропинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.